

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0054.01.01

Станислав Болтухо

20 августа 2012

Таре #1

- Спасибо большое, что Вы согласились с нами встретиться. Я хотела попросить Вас, чтобы Вы представились. Как Ваше имя и фамилия?
- Болтухо Станислав Иосифович.
- Скажите, в котором году Вы родились?
- В 1931-м.
- И где?
- В Долгинове. Тут. Местный житель, короче говоря.
- То есть, Вы тут живете с рождения.
- Да.
- Если Вы помните, несколько недель назад приезжали мои коллеги и Вы делились с ними воспоминаниями, касающимися войны, да? И сегодня мы вернулись, чтобы записать эти Ваши воспоминания. Скажите, пожалуйста, а вот с детства, как Вы себя помните, в Долгиново жили евреи?
- Было, и даже много было евреев.
- А кроме евреев кто еще тут жили?
- Ну, основное католики, православные.
- Ну и как эта жизнь выглядела? Как Вы жили между собой?
- Ну как, как люди жили, нормально. Все друг другу помогали, выручали. Что надо кому помогать. Это было не то, что сейчас, вот, не хочет помочь другому. А раньше были вот наши, или там евреи, или православные, или там кто католик – жили, как, мирно, вот что-нибудь беда у кого там или что, это дружно помогали все друг другу. Все аккуратно было.

- А у Вас были знакомые евреи?
- Были. И вместе в школу ходили, и это самое, жили рядом тут вот по улице, где детство игрались вместе и делились чем, чем могли делились.
- А может имена помните?
- Ну как-то детство, фамилии точно, имена помню. Ну вот тут вот были и Баси, и Эли, и Лейбы, и, ну, всякие были фамилии, имя то есть.
- Скажите, а вот изменилась ли их жизнь, когда немцы пришли? Когда война началась.
- Ну да конечно изменилась, много даже. Ну, нас уже подростков, конечно, мы такие уже были взрослые, ну сколько мне было, одиннадцать, двенадцатый год примерно, так. Ну были свои такие предатели, которые действительно заставляли на немцев работать, вот, надо там, примерно, подметать что, так таких подростков, нас, туда гоняли на работу. Ну а потом уже, как я уже встал таким уже более, как, не взрослым, выше, заметнее, стал прятаться, больше уже. Приходит этот Солтыс и на работу, ну а мама говорит, что он... там, нету, там остался. Ну, вот такие...
- А Вы видели, как изменилась жизнь у евреев?
- Жизнь изменилась. Ну, до этого времени, которое они действительно при Польше жили и при Советской власти, когда пришли – нормально жили. А потом, когда немцы пришли, конечно, их жизнь усложнилась совсем. Потому что стали от них и требовать, и всякое, чтоб ценности там что, чтоб отдавали им, немцам, конечно. Ну а потом, после, поклеили их. На правую сторону желтую звезду, а сзади на левую и дома поклеили все, «юден» написано

было на домах. Ну а потом, уже после, их все это, отнимали их ценности, там все.

- Вот по поводу «заклеймили». Расскажите еще раз, вот как заклеили? Что это было?
- Ну , как появились они сразу, как их отношение было очень такое, ну и, короче, издеваться начали и прочее, а потом уже больше поклеили это самое их, и детей, и взрослых. И дома – «юден» написали на каждом доме еврейском.
- Там было написано слово «юден» или буква «ед».
- Юден.
- Юден.
- Написано было.
- А людей как поклеили, что было?
- Шестиконечная звезда справа и слева на левой стороне.
- Вы видели вот эти надписи на дверях?
- Ну, конечно, тут жители местные ходили, они еще пока, это потом уже, пока их в гетто согнали.
- А скажите, Вам доводилось видеть того, кто рисовал. Кто рисовал на дверях?
- Ну они может дали, это самое, задание, то им, ну которые власти рисовали это самое, юден, а может сами пришивали, я не в курсе дела, это самое, звезды, желтые звезды.
- Да. Но кто рисовал на дверях, вы не видели.
- Не, это я... Ну только надписи я видел, больше ж.
- Хорошо. Вы начали говорить про гетто, что было?
- Ну это которых остальных, тут очень густо населенно было, дома построено много, особенно там, где гетто было. Так тут этих которых местных да отдельных по домам, может там ближайших,

конечно, в гетто загнали, а этих после постреляли. По домам. Вот тут у нас по-соседски, вот тут у нас евреи жили, потом там, на Мельчанском повороте, три или четыре семьи. Ну некоторые то которые это, так, так и Эля жил, у него детей подходяще было, звали их диндики, это как по-еврейски или я не знаю, фамилия может... Фамилию я их не помню. Ну так дети, хлопцев этих, хлопцев этих девочек, дружили вместе, играли тут вот на улице, вот. Ну так их сразу же тогда это самое, это дальних. А остальных тогда в гетто согнали всех.

- Так сначала что было? Сначала постреляли вот этих, которые на валеЙ...

По домам, по домам которые...

- А потом в гетто...
- А остальных, которые в гетто загнали.
- Так значит, гетто было после того, как здесь постреляли?
- Постреляли первыми их, похоронили, это где-то март месяц был и заставили наших вот, примерно, отца там, соседа с лошадьми трупы возить на кладбище туда, еврейское кладбище. А там где которых остальных, которых там уже побили, там уже отдельные могилы, а эти, которые по домам, другая могила.
- Так я все равно хочу уточнить. Сначала постреляли на улице и потом делали гетто, или сначала сделали гетто?
- Этих, этих тогда может за одно, это, тут постреляли, а тогда некоторый период сделали, оцепление вокруг Долгиново сделали, и потом уже в гетто всех погнали, потом.
- Скажите. Расскажите, что Вы знаете, что Вы видели, вот про это, как Вы говорите – на Вашей улице постреляли? Что, Вы слышали выстрелы?

- Ну видно же, трупы по домам, а потом это самое, уже грузили их, вывозили. Мы видели, детвора, дети.
- А в домах Вы были, где лежали эти трупы?
- Нет, мы не были, мы только видели трупы, которые уже вывозили их оттуда, и кто их там это, потому что строго запрещено было выходить.
- А Вы могли слышать выстрелы?
- Ну слышно ж, тут же по улице тут, рядом вот соседка тут жила, жили соседи.
- И это были выстрелы одиночные или автоматные?
- Автоматные. Автоматные, там по несколько, там по два, по три, ну сколько они были на виду.
- И вот когда вот Вы видели, как вывозили, выносили эти трупы, это были трупы, знакомых видели?
- Ну конечно, которые вместе тут по-соседски жили.
- И что было потом с этими трупами?
- Ну за кладбище, самое, повывозили, туда, там захоронили и все. Тут же улица, март еще месяц, так был снег, вся улица в крови, знаете, кровь то текла с трупов. Ну, а на лошадях вывозили туда, на кладбище.
- А эта стрельба, в какое время суток она была?
- Ну где-то после... перед обедом, после обеда тоже, потому что их не одна семья была, пока их все расстреляли, вот.
- То есть, это было днем?
- Да, днем.
- Так, может быть, Вы могли видеть тех, которые стреляли?
- Не, этих. Строго запрещено было нам выходить. Особо, детям особо.

- Так это было запрещено вообще выходить, или в тот день запрещено?
- Выходить, конечно, население, которое уже поклеименные дома были, так они знали, где по домам приходили, самое, а остальные по своим домам, никто не выходил на улицу, ничего. Строго было. А уже если оцепление получилось, как в гетто загоняли, тогда уже оцепление вокруг Долгинова, патрули стояли.
- Вы видели эти патрули?
- Ну видели, стояли тут у нас, тут перед кладбищем, там старое у нас кладбище есть, там патруль стоял. С пулеметом даже стояли.
- А эти патрули, они были в какой-нибудь униформе или просто?
- Форма, немецкая форма у них была. А кто они были по национальности, я не в курсе дела.
- Какого цвета была эта форма?
- Зеленая такая у них форма. А эти эсэсовцы так были такая даже темноватая, как черноватая такая вот.
- Так было оцепление вокруг всего, всей деревни и для того, чтобы согнать евреев в гетто, правильно?
- Ну это да, а потом люди, которые не знали, с деревень ехали, сюда, в Долгиново уже, так тут вот на дороге {милчанской} девочку расстреляли, на хуторе жила, им без разницы, это никакого движения чтобы не было. Ее расстреляли на ровной дороге, а другой дядька только из {Ручат}, он из {Мильчи} ехал, туда, мельница у нас там была, туда ехал на лошади, ну так на возу его тоже расстреляли.
- А эта девочка и этот дядька – они были белорусы или евреи или кто?
- Кто?

- Вот эти, которые, вот которых расстреляли. Вот только что Вы сказали.
- А, это крестьянка шла, девочка такая, ну уже, может, лет пятнадцать, может дв... Этого дядьку так в {непонятно} жил был, который из {Ручаты} из {Мильчи} ехал, я не в курсе дела. На возу, там вон есть подстанция тут на, там дорога была, там на возу так они.
- Их расстреляли просто что они шли, да?
- Ну да, чтоб никакого движения не было. А потом уже после, как оцепление сняли, тогда нам уже разрешалось ходить, тут уже и скот же кормить надо было, и все. Ну и мы пошли с батькой, ну, с отцом в пуню, лошади, а там, ну, скотина ж была, и коровы, и лошадь была и овцы, пошли. А семью расстреляли, Перевозкин такой был, вот уже. Но мы тут стали брать сено, сено шевелится, в чем дело. Ну и смотрим Лейба этот Перевозкин. Ай, говорит, Юзя, хотя бы ты уже меня, пусть семья погибла, хотя ты меня уже не продай. Может, я живой останусь. Ну, говорит, слушай, говорит, я не такой уж враг, чтоб тебя продать, ну. Ну, так мама собрала ему немного еды, занесла туда, опять закрыли его, это чтобы остался живым. Ну и все и тогда, он говорит, я уже как зашел сюда, я и выйду, там сам как хочешь. Без лестницы, как он там влез в этот сарай... ну и остался живой.
- И сколько он у вас был?
- Ну, сутки. Сутки, а потом уже как сняли это оцепление, уже все полностью, он тогда, открыли, он завернулся тут, не знаю, или он в деревню в {Еськовку} или куда он зашел туда, остался живой.
- Так это случилось в тот день, когда сняли...
- Когда по домам стреляли их.
- Ясно. И могли ли Вы видеть отсюда, как гнали людей в гетто?

- У нас тут теперь сад посажен, а то где их стреляли тогда, основных, все видно было, как на ладони, тут не особо далеко было, через речку и сразу остальных это.
- Но, я спрашиваю, как гнали в гетто.
- А в гетто тут улица тоже, теперь уже вот тут вот кладбище заросшее деревьями, колонна ж видно было как шла.
- То есть, вы видели колонну, которая шла в гетто.
- Ну, видно же это самое. Хоть мы тут, дворы у нас были свободные, ходить мы ж не ходили, а из своих дворов так видели ж, ну.
- А какое могло быть расстояние между вот Вашим двором и этой колонной, которая шла.
- Ну не знаю, тут определить расстояние такое, ну зрение у детей, было видно, все это видно.
- Ну, полкилометра, ну то может и так, может меньше, может больше, ну это ж определить, знаете.
- И, когда вот их уже загнали в гетто, доводилось ли Вам видеть само гетто? Снаружи.
- Само гетто, там видите, как получалось, так они же жилье было их, они жили, по окраинам, по этих их постреляли. А остальных, которые центр самый, в эти дома которые по две, по три семьи, эти дома, которые они жили. А это остальные, которые уже были дальше, так они ж уже все в гетто были.
- А гетто было как-нибудь загоро... ну забор какой-нибудь построили или что?
- Было, был этот, колючей проволокой загорожено. Не, это центр. Там у нас почта, так дороги не было, а только центр был дорогой, и тут вот, около костела, объезд. И вот этот центр самый был их гетто.

- Так через колючую проволоку... Вы видели эту колючую проволоку?
- Проволоку колючую мы видели и мы сами ее заставляли. Солтосы были такие служаки немцам, вот так. А у нас там, ну, пастбище было, частное пастбище, ну загорожено было колючей проволокой, так ее снимали, привозили сюда и заставляли нас равнять и скручивать, а уже мужчины, которые там уже, огораживали.
- И кто Вас заставлял выравнивать эти проволоки?
- Ну кто, немцы и солтос был такой предатель, ну их подельник.
- Солтос, это что такое солтос?
- Солтос это был такой как бы ну, как у нас депутат или вот так вот теперь вот так получается.
- Так солтос это чин или это фамилия, я не понимаю.
- Это ну такое, не кличка, а звание такое.
- Ясно. Так он Вас заставлял выпрямлять...
- Да, приходит, заставляет на работу. Немцы сказали, чтоб на работу. Ну и что ж, приходилось ходить.
- Ну, так я понимаю, что... А, так проволоку эту Вы выравнивали, ну, снимали с заборов, после того, как их загнали туда или перед?
- Перед тем, как на гетто, тогда уже огородили это гетто, загнали евреев.
- После того, как загнали?
- Да, да.
- Тогда проволоку строили?
- Ну они до этого они уже равняли, может от партизан, может что они, потому что немцы в центре были там это, там где наш центр, потому что партизаны были, были тут два раза нападали на Долгиново партизаны. Ну, а евреев не было, тогда уже евреев всех убрали.

- Не было, когда партизаны нападали или как?
- Партизаны на немцев, а уже евреев тогда не было, пустые дома уже остались.
- Сколько времени они были в этом гетто?
- Ну, я так точно не могу сказать. Ну, может неделю, полторы может, две – вот так вот. Держали. Может меньше.
- Вы могли через эту проволоку видеть, вот, как они там живут, как ходят, как чего?
- Ну, в домах, они же закрытые были в домах. Ну, много не держали их, потому что такое скопление населения держать, надо же и кушать людям и это самое. Так они в одном доме по три, по четыре семьи жили.
- И потом что было?
- И потом в колонну, и туда вон, где у нас совхоз, туда, там сарай такой был, большой, длинный, центровик такой жил, ну дядька, короче, это самое, туда в этот сарай. Для того, чтобы все, всех загнать туда, так они их пристреливали, все выше гнали, выше, туда, чтобы зашли все, колонна эта. Ну, там, конечно, это самое, оцепление было тоже, ну во дворах, так автоматчики эти или, не разобрать, стрельба слышна была, а что там уже, как они. Рассказывали, что загоняли выше, чтобы все зашли.
- И потом, когда зашли?
- Ну а потом зашли, двери закрыли и забили самое, подожгли и все на этом. Крыша обвалилась и все. Пару дней шевелились там все еще после этого пожара.
- Вы говорили, что стреляли, стреляли. Так стреляли, когда они были еще, когда они заходили...

- В дверях, стояли в дверях, автоматчики стреляли, их достреливали, чтоб выше загнать их, потому что много ж населения было. Это где-то, по рассказам, там точно данные не знаешь, сколько их там было. Рассказывали, что четыре тысячи с половиной было у нас евреев.
- Из чего было сделано вот оцепление, когда их загоняли в этот сарай? Кто был в охране?
- Немцев было, тут колонной, сопровождали колонну, потом уже там оцепили всех, эту колонну и охраняли ж немцы, которые колонну сопровождали туда.
- А там были только немцы или еще кто-то был?
- Ну, кто-то. Одни в форме немцы, а кто там был, или литовцы, или китайцы, кто там был? Это же не разберешься. И эстонцы, и всякое было там, у них это ж.
- А откуда Вы знаете, что там были эстонцы и литовцы?
- Ну по рассказам, потому что тут у нас, это самое, их как пригоняли, так клуб там у нас, как называли «дом людовы», так их тогда спать там клали. Ну, так по разговору ж слышно, что немец, а что.
- А Вы слышали какую-то Вам не знакомую речь как литовскую или там эстонскую?
- А нет я, это мне.
- Ну, то есть люди говорили, что там...
- Ну, тут как уже после евреев не было, так немцы тут, которые колонной шли, тут у нас на Полоцк шли колоннами машины. Ну, так слышно по, бывает и литовский, бывает и польский или там всякие разговоры были. Или может они сами умели разговоры. Ну не знаю точно. Потому что тут и немцы тогда их гнали вот, военнопленных много, русских солдат по нашей улице. И потом, и где, а там где

еврейское кладбище, сделали лагерь и потом их на ночь туда загоняли. Как бы отдохнуть, пленных этих.

- А вот скажите, пожалуйста, расстояние между вашим двором и вот этим вот сараем, куда их загнали...
- Ну, так может там может триста, может пятьсот. Определить это ж не так просто, сколько там.
- А Вы могли разглядеть вот этих, вот эту колонну, этих автоматчиков, это...
- Ну, сада не было, там видно – суета. Что там, или там эти немцы, или там. Сада не было у нас, теперь сад зарос, а так видно как на ладони, чистое поле было.
- А выстрелы слышны были?
- Слышно, слышно. Видеть то далеко, расстояние тут такое, метров пятьдесят, наверно, может больше.
- Ну а кто потом тело увез этой девушки?
- Тогда заставили наших вот соседей, которые лошади были, прошли лошади и тогда трупы забрали всех и возили туда, на кладбище
- А у Вас была лошадь?
- Была.
- А Вы тоже возили на кладбище?
- Я не возил, отец возил, я ж пацан еще, мне там, малы еще был, пацан. Тут соседи, которые ближайšie, тамошние, которые заставили их.
- Так Вы видели, как Ваш отец вез эти трупы?
- Ну, подводы то шли, видно ж, это самое, через окно видно, как везут это самое. Тут вот рядом, через две хатки, тоже такие были, семья жила, там тоже их на месте постреляли.
- А какое это время года было примерно?

- Это может март месяц, кажется да. Так, потому что снежок был, лед еще лежал, на санях еще возили.
- А кровь видели?
- Ну, видно ж по улице, как кровь.
- А сани тоже были в крови, нет?
- Кто?
- Сани.
- Ну, все и сани были, все. Лошадь одна, которая впереди шла, так она ж, все, ноги то были в крови.
- Скажите, вот, когда вы видели эту колонну людей, которых вели в гетто, в гетто еще из домов, они несли что-нибудь в руках?
- Наверное, ничего. И даже заставили их раздеваться там, одежду.
- Раздеваться...
- Верхнюю одежду раздевали.
- Где, где раздевали?
- Там, там, где их это самое. Вот разделись и туда, расстреляли.
- Так Вы, Вы говорите об этом сарае, где их расстреляли?
- Да, да, в этом сарае, перед этим раздевали их. До белья.
- А что потом случилось с этим бельем?
- Не знаю даже, откуда ж я. Может, сожгли а, может, оставили. Потому что они не особо так немцы, заставляют уже как одежду, то обувь разную.
- А что случилось с имуществом, когда вот евреев не стало, а все-таки имущество осталось?
- Ну что, так и осталось все имущество, так все в домах и осталось их. Вот что надето было. Ну, а потом я не в курсе дела, тут же, может, кто и забирал, может немцы, может кто, может люди растаскивали,

не в курсе дела. И посуда там, и одежда, и мебель – это все оставалось там, в домах.

- И что потом случилось с этой посудой, с этой мебелью?
- Ну что тогда, тогда после уже тут немцы не особо долго они тут были. Остались эти постройки, все дома ты все хорошие {непонятно}. А район был тогда, Кривичский у нас район. Ну, власть тут распоряжалась уже этим остальным, не знаю, что они делали. Короче, нам тут, не было хода туда, ну не разрешали нам ходить. Сами власти все упорядочили.
- Вот после, после этого случая, как сожгли людей, доводилось ли видеть еще какие-нибудь вот такие вот преступления против...
- Евреев?
- Против мирных людей, не только евреев.
- Ну, немцы тогда что делали. Уже евреев не было у нас, загнали тогда местное население. Вот у меня были три сестренки, а приходили в Германию забирать их, вот. Это счастье, что заболели тифом, вся семья, за исключение меня и сестры, которая в Польше. Ну, так что, все равно. Это ж в Германию не забрали, тогда пришли уже как это самое, ну, власти другие так все равно забрали отца, в 44-м забрали и сестренку забрали, аж в Хабаровский край завезли. И отец так и не вернулся, 44-й год, вот, и не знаю, где и могила даже.
- А были ли еще у Вас в деревне какие-нибудь вот убийства или какие-нибудь вот такие случаи?
- Ну, случаев много было ту всяких, ну у нас между населением таких конфликтов...
- Нет, я имею в виду, со стороны немцев, со стороны.
- Ну, таких особо, им не было когда этим заниматься, тут охраняли, они все туда рвались, на фронт. Ну тут партизаны много из

{Гирали}, железную дорогу у нас тут вот в {непонятно} есть железная дорога, так технику взрывали их, эшелоны, рейки перерезали там им еще, подрывали рейки.

- А в прошлый раз Вы говорили, что у вас стояла виселица.
- Да, стояла. Вот тут вот, где шестнадцатиквартирный дом, как едешь тут на площади на левой стороне, шестнадцатиквартирный дом, треугольная стояла, не знаю, там этот, рассказывали, они там, ну короче замешаны что-то там против немцев, у нас же три человека были повешены. Были повешены, да.
- Вы видели, как их вешали?
- Ну, их видеть, тогда уже после, они сколько, может, даже почти чуть неделю, неделю висели. Видно ж было, то в костел ходили, то туту уже после можно ходить населению, мирное население не трогали очень немцы.
- А эти люди были из вашей деревни?
- Ну не знаю, нет, не из нашей, где-то они замешаны были, то ли партизан, то ли может тогда ж коммунисты или комсомольцы, их тоже тогда ж, всех.
- Ну, это были не местные люди, эти трое?
- Нет, не наши.
- Так Вы видели, когда они уже были повешены или когда их вешали?
- Нет, как повешены были.
- И были ли на них какие-нибудь надписи или там...
- Знаков не было никаких, просто так.
- Это были мужчины, женщины?
- Мужчины.
- А еще Вы тогда говорили про, про Гордона, про мельника.
- Мельник был у нас. Имел частную мельницу.

- И какая у него была судьба?
- Тоже, наверное это самое, попал тоже в гетто, потому что мельница осталась и дом остался, а их, по-видимому, тоже туда забрали его.
- А были такие евреи, которые все-таки, вот кроме Лейбы, который Вы рассказывали, что он прятался в сени, да? Были такие евреи, которые все-таки умудрились сбежать?
- Много даже. Много даже, вот там у нас костел, ксендз Дорошкевич там рядом, он так на отшибе чуть живет, там много их попряталось, потом ближайшие где хуторки, хутора такие были, постройки, тоже некоторые. Ну а эти, которые остальные, пошли в колонне, ну так может они сами, потому что разговор был, что, говорят, наш час пришел, говорят, время пришло такое. Ну а так много тогда пооставалось после живых у нас тут, Абром остался, Есель, Лейба тогда остался, Бонимович, местный житель, наш, который был, оставшиеся были, молодые хлопцы, поубегали. Родителей может, поубивали, отцов, а они пооставались сами. Ну и тогда после войны тут они были руководителями.
- Они вернулись сюда?
- Вернулись в Долгиново. Ну, тут в Долгинове он был Бонимович, этот хлопец был местный тут на нашей улице он и жил, способный хлопец. Работал председателем колхоза. Этот вот Абром тут, Есель заготовителями были. Ну, тропила, собирали там разные, что надо кому – краска, вот они это возили. Ну и много таких, еще таких было евреев. Тигалевич такой был, но это не наш, не долгиновский житель, еврей, но он жил тут в Долгиново, председатель сельпо был, а тогда заведующий пекарней, такими работами занимались.
- Пан Станислав, вот мы сделали тут такой небольшой перерыв, потому что надо было кое-что все-таки уточнить и выяснить, потому

что для нас это важно. Значит, правильно ли я понимаю, что расстрел евреев в домах на вашей улице был раньше, чем людей загнали в гетто?

- Был раньше.
- Что это было не в тот же самый день?
- Нет, конечно, гетто потом уже. А этих остальных, которые жили где-то дальше, так их тогда сразу, а потом этих.
- Ясно. А теперь вопрос тогда второй. Правильно ли я поняла, что Вы, то есть видели ли Вы, как людей гнали в гетто? Не из гетто в место, где их убивали, сжигали, да, а вот в само гетто. Могли ли Вы видеть? Гетто же было далеко, я так понимаю?
- Ну, видеть, после уже видеть, потому что мы ходили, что их уже в гетто уже загнали, а потом уже мы, в воскресенье раз шли в костел там.
- Понимаю, но саму эту процессию, как их загоняли в гетто, эту колонну, Вы не видели?
- Нет. Ну то семьями их, дома густо там стояли, дома, вот так вот стояли дома, один около одного близко, и там всех туда. Этих, где на окраине по улицам жили.
- Но Вы этого не видели?
- Нет, конечно.
- Хорошо. Я еще хотела спросить, а были ли в вашей деревне военнопленные?
- Военнопленные были, у нас колонны, из Полоцка, из Витебска колонны через наше Долгиново шли, колонны.
- Расскажите, что Вы видели.
- Ну, вот рассказать, вот шла колонна солдат, ну по три, по четыре человека, ну колонны гнали. Конвоиры шли, это охраняли, то на

лошади, но на это самое. И вот мама моя открыла окно вот это вот, хлеб буханку, свой, выпеченный, резала и им дала. Это счастье, что ей только одежду порвали, штыком, немец, и не выстрелил, вот. Потом они уже после прогнали колонну и там где еврейское кладбище, там лагерь сделан был, ну для отдыха им, загоняли этих военнопленных. Ну, там, по громкоговорителю проедут, кто сколько может по-русски или там по-польски, говорят, можете занести пленным, ну кушать там, картошки, там, хлеба, что молока и еще чего, вот. А потом отдохнут сутки и тогда опять на Вилейку их гнали, военнопленных. И вот был случай, в костел у нас. Вы около костела были там, видели? Вот. В костел, в середину загнали эту колонну военнопленных, представляете, что может там остаться, после этих людей всех. Ну так вот Дорошкевич, ксендз, ну, хочешь не хочешь, надо ключ отдавать от костела. Ну, загнали их, переночевали они ночь, эти военнопленные, так правда {непонятно} у нас такая есть в костеле, которая ксендз выступает, ну проповедь говорит или там что, объявление какое. И алтарь, такой заход был, такой заход, так на {непонятно} три человека остались, военнопленных и там спрятались, человек шесть осталось было тогда.

- И они потом спрятались?
- Ну потом я не знаю, ксендз их может куда отправил, может что, потому что тут же центр самый немцы ж были. И вот тут вот колонна шла, молодой солдатик такой, зеленый видать еще совсем, повалился тут, так они достреливали их, военнопленных, немцы. Ну а мы тут, колонна пошла, немец старый пришел, ногой постучал, говорит, капут. Ну уже что это самое. Мы его понесли так, в тенек положили, лицо помыли, попоили его водой, занесли в сарай в наш, на сено положили, так он, а крыши соломенные были в постройках,

так он так глаза откроет – ребята, почему я тут оказался? Говорю, хорошо, что тебя немец не застрелил, говорю, вот. А что мне делать? Говорит, пока отдыхай. Ну, мы его кормили, три или четыре дня кормили. Потом направили там деревня у нас тут, Еськовка такая деревня, туда его направили, так не знаю, до осени пробыл там, может в партизаны пошел, может что. Ну, короче, живой остался. А второй пленный, тут у нас луг такой вот есть, тоже уже он последние силы собрал видать и бежать, ну чтоб он за постройку где за какую забежал, а так он по прямой еще бежал, и немец ложился с карабина застрелил. Мой отец тут, соседний, забрали, на кладбище на наше завезли, похоронили. И он без вести пропавший человек. Много, очень, вот тут до Докшиц, до Глубокого, а из Глубокого гнали этих пленных. Очень, так могила на могиле. Прикопают чуть-чуть немцы военнопленных. Тогда, правда, уже в Костеневичи собрали, там братскую могилу сделали, постамент поставили, солдат хоронили. Жуткая картина была.

- Пан Станислав, я все-таки хотела бы вернуться к одному эпизоду, которого свидетелем Вы являетесь, который очень важен для нас с исторической точки зрения. Я имею в виду тот эпизод, когда Вы видели, как гнали евреев в этот сарай, в этот амбар и как их там сожгли. Вот я бы у Вас хотела попросить просто весь этот эпизод рассказать вот по порядку с начала и до конца, но со всеми деталями еще раз, да, вот хотелось бы иметь такой рассказ. Просто, собственно, а как Вы узнали, что там что-то такое будет, да? Ну попробуйте рассказать это все.
- Ну, рассказать. Я еще раз повторяю, что сада не было. Ну расстояние, ну может, я не знаю, там примерно сколько будет я вам говорил. А видно же было, сада не было, поле чистое. Вот отсюда, где сарай, от речки, ну все ж это зрелище было видно.

- Так Вы слышали шум какой-то или что?
- Ну шум, конечно, крики были, всякое, стрельба, все было, вот. Нам же, а потому что охрана была, нам же где-то так. Вот. Мы тут хотели выйти на свой там огород аж туда дальше до речки, у нас речка там шла, ну так хорошо, что не попал этот немец, а то стрельба, из автомата как секанул или из пулемета. Хорошо, что моему брату младшему глаза только запорошили и все, мы назад убежали, ползком, вот. А так слышно было все это.
- Ну расскажите, что Вы видели тогда.
- Ну что видели. Видели только колонна как зашла, ну там суета, люди, там стрельба вот такая вот, суета была что там, недалеко. Вот и все.
- Людей с оружием Вы могли видеть?
- Ну там. Там, видите, которые стояли тут эта охрана, Долгиново, с этим видели, а там конечно были с оружием, это не то что, не без оружия же они были. Все с оружием были.
- А были ли другие люди, которые тоже видели, как подожгли этот сарай?
- Ну я не знаю, тут старик один был тут у нас, уже умер, тоже ему девяносто лет было, тут есть и Ягело, Ягело {непонятно} тут такое есть в Мильче, этот мог видеть. Ну так остальные, стариков уже таких нет, которые еще пооставались в живых наших.
- Скажите, как Вам кажется, стреляли только когда вот снаружи или стреляли уже и внутри этого сарая?
- Ну, там, по рассказу, я не знаю, там это были которые наши, которые может не наши, может там видели, ближайšie, которые там жили, там внутри их, потому что все выше, чтобы они зашли в сарай, много же было населения, людей, этих евреев.

- А то, что они снимали одежду, со двора Вашего было видно хорошо?
- Ну, там рассказы уже, это самое, я, с нашего двора, там же помехи там и люди, очень не было видно чтобы.